

РЕАЛИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПО-АМЕРИКАНСКИ

В.А. Школьный

Описаны процессы становления и развития религиозности “по-американски”. Материал изложен в публицистическом стиле.

Ключевые слова: практицизм; прагматизм; гражданская религия; религия-хобби.

Одна из главных надписей на одном из важнейших символов государства – денежных ку-

пюрах США: “In God We Trust” – “Мы верим в Бога”. Все же мировые и национальные рели-

гии и их конфессии, в отличие от “религии по-американски”, предполагают, прежде всего, веру во Всевышнего в душе каждого верующего, а не в разного рода надписях.

Северная Америка дала миру совершенно новый тип религиозности, который поначалу был абсолютно неизвестен и даже чужд сознанию населения Старого Света. Основы “религии по-американски” сформировались в недалеком прошлом.

Религиозность и набожность граждан Соединённых Штатов особенно ярко прослеживается в художественных и пропагандистских видеоматериалах (художественные, документальные и публицистические фильмы, видеоролики и т.д.). Причём, чем больше этих материалов изучается, тем очевиднее это становится. В религиозности и набожности американцев (по статистике, приверженцами христианства себя считает около 82% населения США) поражает непривычная легкость их отношений с Богом. Он представляется в американских пропагандистских материалах таким добрым, милым и очень влиятельным парнем: ему необходимо наносить визиты с друзьями по воскресеньям, чтобы вместе с ним порадоваться жизни, попеть песни и послушать проповедь, например, на тему “Бог и экономическое процветание Америки”, “Библия и бизнес”...

Одни из первых колонистов, прибывших из Европы на восточное побережье североамериканского континента, были протестантами.

Вдохновленные идеей создания на земле обетованной нового христианского богоугодного общества, без европейских недостатков, вновь испечённые американцы с жаром принялись за работу по организации такого общества. Построение земного Рая оказалось делом не таким уж легким и простым. Но протестантская этика, отвергавшая “ненужный” аскетизм монашества и “излишнюю” обрядовость католичества, с ее новым отношением к труду и тут дала обильный урожай: ярким цветом расцвел американский прагматизм, который был просто необходим колонистам для выживания в тех очень непростых условиях. Практичными американские поселенцы были не только в решении бытовых и социально-политических вопросов, практичностью отличалась и религиозность строителей нового общества.

Религиозный практицизм по-американски имел и другую сторону – отсутствие интереса к богословию как таковому. Ведь куда важнее, по их мнению, было проповедовать, наставлять и молиться; важнее дать людям конкретное ру-

ководство к действию, нежели уповать на что-то достаточно эфемерное и не конкретное по временным рамкам.

Вопросы понимания догматов и сложные философские смысловые построения мало волновали как простых американцев, так и их пасторов. Отсутствие у колонистов-протестантов ревностного отношения к религиозной догме объясняется довольно просто: зачастую они о догме ничего не знали. Например, Джордж Вашингтон, весьма деятельно принимавший участие в работе своего приходского совета, наверное, не смог бы отличить англиканского вероисповедания от любого другого христианского...

Прошли времена, когда умирали за свои убеждения первые христиане, когда святые отцы и пустынноики придавали первостепенное значение хранению догматов – ведь догма понимается в христианстве не как результат работы мысли пусть даже самых умных людей, а как результат Откровения Самого Бога, конечно, в той мере, которую человек может вместить в свой мозг.

В результате за всё время интенсивной колонизации Америка не дала миру ни одного оригинального мыслителя в области богословия. Прагматизм американского протестантизма требовал, чтобы религия была четкой, быстродействующей и простой, т.е. религией в духе газетного материала. К примеру, при зарождении печатного дела в молодой Америке к прессе предъявлялись следующие требования: газета должна быть полезной и своевременной, она не может требовать длительного изучения и сосредоточенности, она должна быть грамотной, но не может отделять художественное и экспрессивное от коммерческого и утилитарного.

Точно таким же требованиям стал отвечать и американский тип религиозности. В отличие от традиционной, книжно-догматической религии Старого Света, американская “новинка” стала явлением более легковесным, “газетным”, но зато и намного более удобным и эффективным при определенных обстоятельствах её использования: нет необходимости изучать традицию, не нужно сохранять апостольскую преемственность и т.д.

Большая её притягательность заключалась в том, что эта новая религия гораздо больше предлагала, чем требовала. Она давала людям по ускоренной программе смысл бытия, жизни и работы, утверждала в сознании приверженцев факт своей избранности и богоугодности, не требовала постоянно вести духовную борьбу с многочисленными соблазнами (хватало борьбы

с Англией, природой и индейцами) и, кроме всего прочего, краснеть на исповеди. Вместе с тем она постоянно говорила о необходимости упования на Бога, о молитве и спасении, чего колонисту вполне было достаточно в его сравнительно нехитром быту.

Самым главным добавлением к христианской вере в Америке, помимо идеи избранности своей земли и народа, стало обожествление Свободы и Демократии как таковых. В этом плане очень символично звучит надпись на статуе Свободы, стоящей на острове Bedloe-Liberty при входе в Нью-Йоркскую водную артерию, которая в переводе звучит примерно так: “Приведите ко мне всех усталых, всех бедных, жаждущих дышать воздухом свободы”, что очень уж напоминает слова Христа: “Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас” (Мф., 11:28). Таким образом, спасителем оказывается не Бог Иисус Христос, а американская богиня Свободы.

Плоды симбиоза демократии с христианской религией удачно иллюстрирует следующий пример. Когда М. Вебер, путешествуя по США, “случайно” упомянул о все еще значительной роли религиозности в Америке, то в ответ ему было разъяснено, что нельзя давать в долг человеку, который ни во что и ни в кого не верует. Весьма показательный случай, из которого можно сделать сразу несколько выводов. Прежде всего, налицо свобода, столь высоко чтимая в стране – право верить или не верить; но далее – невозможно доверять в делах человеку, который не принадлежит хоть какой-нибудь церкви (чисто по-протестантски).

Отметим, что уже не важно, к какой именно церкви ты принадлежишь, – это уже протестантизм по-американски. В Америке само понятие “церковь” исказилось – многие верующие уже в эпоху интенсивной колонизации континента называли свои религиозные службы “собраниями” и говорили “пойти на собрание”, а не “пойти в церковь”.

Американский религиозный прагматизм не остался на протяжении последующих лет чем-то кристаллизовавшимся и застывшим – он продолжил своё дальнейшее развитие. В XX веке в США на “благодатном” фундаменте, заложенном предыдущими поколениями протестантов, появилось множество около- и псевдорелигиозных объединений типа “церковь любителей кофе” или “церковь рок-н-ролла”.

На этой почве расцвело такое первоначально чисто американское явление, как путеше-

ствующие евангелисты-проповедники, со временем превратившиеся в шоу телепроповедников. Оно – плоть от плоти “газетной религии”: евангелисты путешествуют из города в город, проводя публичные проповеди, традиционно заканчивающиеся покаянием ряда грешников из числа присутствующих. Но дальше этого странствующий евангелист не идет. Он вынужден спешить в очередной город, где его ждут жаждущие (или сомневающиеся), которых он потом вновь оставит безо всякого руководства или, как сказали бы православные, “окормления”...

По мере формирования новой государственности в атмосфере “газетного духа” стала возникать и новая религиозная реальность. Появилось то, что мы назовём “гражданской религией”, имеющей свои символы и ритуалы. Выросшая из христианства, она во многом напоминает его и по форме образования новой мифологии, и по использованию мифологии старой. Вот как, например, создавался образ “американского символа и отца нации” Джорджа Вашингтона: сначала мифологизировалась его жизнь – “святая жизнь”, потом появилось “священное писание” – его письменные труды, которые были тщательно отобраны и – традиционно в таких случаях, – где надо отредактированы. В создавшемся культе присутствуют и “священные места”, и “священные останки”, и ежегодные культовые обряды, и ораторское богослужение. Итак, появляется новый “святой”, но уже “святой” не Церкви, а государства.

Не менее интересны и национальные праздники США с этой точки зрения. Пожалуй, наиболее торжественно отмечаемый праздник в Америке – Рождество Христово. Празднуется оно повсеместно, но с течением времени все больше и больше утрачивает собственно религиозное, христианское смысловое наполнение. Сегодня в Соединённых Штатах Рождество, которое празднуется даже с большей торжественностью, чем даже Пасха, – это скорее праздник подарков, праздник, когда можно вкусно поесть, сходить в гости, просто повеселиться и т.д. Рождество превратилось в карнавал потребительского американского общества, у которого оно ассоциируется чаще с Санта Клаусом и рождественскими скидками, чем с приходом в мир Иисуса Христа.

Потребительское общество – мощный источник силы. Оно владеет умами, оно влияет на религиозное сознание, но оно так же и формируется им. Широкоизвестная в США на эту тему анекдотичная история выглядит примерно так: когда маленького мальчика в воскресной школе

спросили, откуда взяты десять заповедей, то он, не задумываясь, ответил, что из каталога Сиерса и Роубака.

В качестве национальных праздников в Америке широко, наравне с религиозными, отмечаются также дни рождения президентов Вашингтона и Линкольна. Первоначально праздновавшиеся раздельно, сегодня они объединены в общий “Президентский день”. И это тоже атрибут гражданской религии, т.к. они являются “святыми” американского гражданского общества, а не церкви. Любопытно отметить, что Православная церковь празднует память своих святых обычно в день их смерти, и лишь Христово Рождество – в День Его Рождения. Отсюда напрашивается ещё один вывод о традициях американской религии, ставшей ещё более гражданской, нежели изначально – праздновать “рождество” своих “святых”.

Гражданская религия в США вобрала в себя традиции американского протестантизма, соединила их с идеей свободы-демократии и оказалась новой религией, которую христианством уже вряд ли можно назвать. Можно предположить, что в Соединённых Штатах то же самое в очень недалёком будущем ожидает и ислам.

Общественно-политическое измерение гражданской религии позволяет активно использовать религиозную лексику в политических программах и общественной деятельности, но гражданская религия “демократично” лимитирует уровень возможной экспрессии религиозности: можно говорить о Боге, но лучше не конкретизировать Его (Иисус Христос например). Так поступали и поступают все американские президенты, обязательно упоминающие в своих речах, обращениях и выступлениях Бога. Но, хотя все они до сих пор и были христиане, никто из них в своём общении с народом не называл Его Иисусом Христом. Инаугурация президента, кстати сказать, тоже является важным ритуалом гражданской религии.

Что касается личностного измерения гражданской религии, то тут ее специфика проявляется еще отчетливее. Гражданская религия не является в большинстве случаев заменителем другой религии: можно быть баптистом, мусульманином, католиком, буддистом, но находиться в то же время в сфере действия гражданской религии и подчиняться ее законам, признавать её главенство над всеми остальными религиями. Основное влияние, которое гражданская религия оказала на другие вероисповедания, заключается в низведении их до уровня “частного

дела”, до уровня хобби. Естественно, политическое устройство свободного государства требует, чтобы вопрос веры был делом совести самого человека – с этим никто не спорит. Но уровень религии-хобби предполагает внутренний раскол между личным и общественным “Я”: не нужно пытаться во всем подчиняться религиозным законам, наивно исповедовать принципы своей религиозной веры во всех случаях жизни, а не лишь в ее “религиозной” части, не стоит говорить о своих религиозных убеждениях. И уж тем более нельзя использовать их в качестве аргумента в споре или диалоге. Такова общая тенденция в современном американском обществе. Проще говоря, по пятницам, субботам и воскресеньям американец верует в Бога и Вечность и может созерцать их по своей вере, а в будние дни он верует в фондовую биржу.

Не все американцы, конечно, согласны с таким положением. Тем более что с ростом свобод все большего числа меньшинств в Америке (гомосексуалисты, например) и с увеличением государственного регулирования этих свобод и защиты прав различных групп и организаций, все чаще возникают конфликтные ситуации, которые раньше не только не предполагались, но которых просто и быть не могло. Так, Хилари Клинтон подверглась критике ряда общественных наблюдателей за то, что во время инаугурации в президенты её мужа, она появилась перед публикой с видимым на её шее нательным крестиком. Один телекомментатор даже поставил перед своей аудиторией вопрос, подобает ли первой леди так открыто демонстрировать религиозный символ? В штате Колорадо учителю одной из муниципальных школ пришлось убрать со своего стола личную Библию и прекратить её чтение про себя, в то время как ученики выполняли свои индивидуальные задания. К этому факту суд штата, куда обратились родители учащихся, дал следующий комментарий: Библию могли увидеть ученики, а это – нарушение инструкции, согласно которой учителю не позволяется создавать в классе религиозную атмосферу, что, по мнению судей, могло случиться, если бы ученики узнали, что их учитель – христианин.

Несмотря на широкое использование религиозной лексики, несмотря на то, что культурологи считают религию фундаментом общества, лежащим в основе любого культурного типа, в американском обществе не позволительно апеллировать к религиозным взглядам, использовать их как аргумент при отстаивании своей точки зрения. То есть, принимать религию всерьез,

если это входит в противоречие со свободой американского образа жизни. В результате получается драма – психологически расколотый, нецельный человек уже не замечает своей нецельности. Типичный пример тому – губернатор Нью-Йорка Марио Гийомо в 1990 г. публично поддержал производство аборт, хотя, по его же признанию, как христианин неоднократно лично выступал против них.

Не об этой ли американской “религиозности” говорится в Апокалипсисе св. Иоанна Богослова: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!

Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

Ибо ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр., 3:15–17).

В заключение не лишним будет вспомнить о религиозной экспансии, в основном миссионеров всех направлений из Соединённых Штатов, захлестнувшей во второй половине XX в. не только просторы СНГ, но, практически весь мир. Естественно, возникают не лишённые логики вопросы: не является ли этот процесс продолжением политики глобализации по-американски? Что ждёт нас всех, неамериканцев, в завершение этого процесса? Что ожидает наши традиции, верования и надежды, складывавшиеся веками?